

ПОЗВОНИТЕ РОДИТЕЛЯМ

К 110-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти Ясудзиро Одзу

Что нужно старикам? Очень просто – счастье. А что это такое? Очень просто: добрые слова и радостные мысли. Всё. И это так легко дать! Но мы почему-то не даем... Жалеем себя. Жадничаем. Ясудзиро Одзу снял десятки прекрасных фильмов и почти всегда – об этом.

Михаил Ермолаев

Одзу начинал помощником оператора в компании Сётику, где безраздельно царил продюсер Сиро Кидо. Он имел четкую эстетическую программу: искусство чужды чернуха и насилие, унижение человека и прославление депрессии. Цель искусства – возвышать душу и давать надежду. Умножать в мире добро и любовь. Обмен положительной энергией между людьми, положительный взгляд на жизнь и окружающих. Отсюда – склонность к бытовым сюжетам, где не льется кровь и не бесчинствуют негодяи, где действуют простые люди, которым сопереживаешь, которых любишь и жалеешь. «Духом Офуны» проникался каждый талантливый молодой человек, которых Кидо собирал вокруг себя с удивительным упорством и прозорливостью. Из студии вышли многие великие, в том числе – Ясудзиро Одзу.

В «Токийской повести» (1953) поначалу кажется, что речь идет о бесконфликтной семейной жизни, где все вежливы и спокойны. Пожилые супруги Сьюкиси и Томи приезжают в Токио навестить детей и внуков. Все, конечно, рады, просто заняты немного: взрослые – делами, дети – играми и обидами. Разве интересно ребенку, когда его спрашивают, кем он будет, когда вырастет? И доживет ли до этого бабушка. А вот письменного стола на время лишили – это серьезно. Дочь вспоминает, как стеснялась в детстве матери, – мол, слишком большая. И как под матерью при всех сломался стул. Так ей было неудобно!

Сын готов повозить родителей по городу. Но возникли срочные дела... Повозила бы его жена – да нет, на воскресенье нельзя оставлять дом без присмотра. «Встреча», «нельзя оставить», «срочный пациент», «надо сдавать счета». Как бы сделать родителям хорошее? Может, отправить отдохнуть куда-нибудь на лечебные источники? Ну оказалась снятая для них дешевая гостиница молодежной – кто же знал? «В конце концов, среди нынешней молодежи есть такие, – утешает старика его давний друг, – которые не задумываясь могут убить своих собственных родите-

лей. Если сравнить наших с ними – то нам с тобой не о чем печалиться!» У Одзу нет добрых и злых, но есть добро и зло. Последнее не концентрируется в маньяках и негодяях. Никто не кричит, не подличает – все ведут себя «как надо». Зло этих добрых людей в том, что они перепутали важное с неважным. Поездка оказалась прощальной – вскоре бабушка Томи умирает. И ведь не от расстройств, что толком не смогли попрощаться, – у Одзу нет любовных ходов, только тоненькие чувствительные паутинки. «Лучше бы папа умер первым, – рассуждает деловая дочь, – если бы мама осталась одна, мы взяли бы ее с собой в Токио».

А так папа останется один! Вместо готовности быть со своими, имитация заботы: «Папа, не увлекайся выпивкой!»

Чтобы передать ощущение, как сжились друг с другом за долгие годы супруги, актеры и говорят, и даже кивают в одном ритме – режиссер добивался от них этого часами. Камера нигде не поднимается выше человеческих глаз – это режиссер считает неуважением. Одзу не ставит перед собой задачу нагрузить кадр глубокой символикой. Важнее передать теплое ощущение повседневности. Без

всякой хронологии, просто по ассоциации иногда появляется кадр, где просто сушится белье. В этих распашонках столько жизни, заботы. И вместе с тем ветер: он проходит сквозь все заботы, выветривает их, и не остается ничего, кроме легкого колыхания. Статичные планы останавливают движение, напоминают о незыблемости, неподвижности происходящего: белье, бумажный фонарь, комната, город, пристань. В них нет людей; они где-то рядом, и у каждого за закрытыми дверями и окнами происходит то же самое...

В конце фильма младший сын в раздумье разглядывает надгробья. Как тесно им в этих кадрах, как их много! Так устроена жизнь, размышляет одна из героинь. Такое ждет всех. И в этом тоже «Дух Офуны»: не осуждайте, просто пусть потихонечку уходит зло, и пусть множится любовь!

Ясудзиро Одзу всю жизнь прожил с мамой, проводил ее в последний путь – и через три месяца скончался сам. В день своего 60-летия.